

© 2008 г.

М.А. ЮСИМ

СТАЛИН И МАКИАВЕЛЛИ. ЗАМЕТКИ О ПОЛИТИКЕ И МОРАЛИ

Высокая гора был царь Иван...

*А.К. Толстой. Царь Федор Иоаннович*¹

Лучше всего о Сталине написал, как кажется, классик, слова которого приведены в эпиграфе. Правда, они относятся не к самому вождю, а его историческому прототипу и любимому герою, Ивану Грозному. Толстой наделяет последнего силой природной стихии².

Первый русский царь, пользовавшийся неограниченной властью, расправлявшийся с врагами, не разбирая правых и виноватых, расширивший пределы России, но оставивший ей в наследство смену династии и наступившее через 20 лет Смутное время, был во многом близок Сталину. Последний инспирировал создание трудов об исторически прогрессивной роли Ивана IV, был инициатором съемок знаменитого фильма Эйзенштейна и укорял Ивана Грозного только в том, что тот "не дорезал" несколько боярских семей, повинных в будущих смутах³. ("Бог ему в этом деле мешал"⁴.)

Толстой сравнивает Грозного с вулканом; возможно, обратиться к событиям XVI в. его, как и его великого предшественника Пушкина – в "Борисе Годунове", заставили подземные толчки истории, провозвестники грядущих землетрясений. Одним из центральных в драматической трилогии Толстого, как и в трагедии Пушкина, является пушкинский вопрос о гении и злодействе, который ставится здесь в политическом контексте, выступает в виде вековой проблемы блага государства и приносимых ему жертв.

То, что великие деяния имеют свою теневую сторону – банальная истина. Но первым новоевропейским теоретиком, который усмотрел в ней универсальное правило, был Никколо Макиавелли с его трактатом "Государь".

Сталина, как и других крупных политиков XX в., неоднократно оценивали в свете Макиавелли и "макиавеллизма", обращая внимание в первую очередь, что понятно, на негативное содержание, приписываемое этой доктрине. Однако ученых сочинений, специально сопоставляющих эти две исторические фигуры, не так уж много, и собственно, поводом к написанию этих заметок послужила недавно увидевшая свет моно-

Юсим Марк Аркадьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Толстой А.К. Собр. соч., т. 3. М., 1980, с. 271.

² Кстати, и прозвище "Грозный" имеет такое же происхождение от натуралистической метафоры. Еще один оттенок – тиран как бич Божий: "Семь лет прошло, что над землею русской, Как божий гнев, пронесся царь Иван". – Царь Федор Иоаннович, действие пятое.

³ См. Марьямов Г. Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. М., 1992, с. 60, 85. Здесь и далее, естественно, нужно делать поправку на возможную неточность в передаче высказываний, приводимых, как в данном случае, со слов очевидцев.

⁴ Там же, с. 86.

графия Э. Рииса, которая посвящена развитию политической мысли "от Макиавелли до Сталина"⁵.

Связующим звеном между ними служит, по мнению автора, "революционный макиавеллизм", постулаты которого позволяют перебросить мостик от трактатов о государстве XVI в. через немецких философов и французских революционеров к большевикам – строителям социализма в отдельно взятой стране. Само понятие революционного макиавеллизма для Э. Рииса является некоторой абстракцией, удачно, но лишь до определенной степени характеризующей левую политическую мысль. "Было бы наивно рассматривать развитие революционного макиавеллизма просто как результат [чтения] сочинений Макиавелли... остается неясным, насколько глубоко они были изучены и поняты"⁶.

Как бы то ни было, автор вкладывает в идею "революционного макиавеллизма" несколько основных компонентов: отделение политики от морали, использование принципа "цель оправдывает средства", прежде всего с точки зрения "государственной необходимости" и народного блага, элитарный или бланкистский подход к революционному движению, веру в исторический прогресс, оправдание диктатуры как закономерной формы перехода к новому строю⁷. При этом Э. Риис делает ряд оговорок как общего⁸, так и конкретного характера ("Мы имеем дело не с одним подлинным Макиавелли, а с совершенно различными Макиавелли")⁹.

Прежде всего следует считаться с тем, что в силу многих причин представление о "макиавеллизме" зажило совершенно независимой от сочинений Макиавелли жизнью практически с момента их публикации. История толкования Макиавелли – это, с одной стороны, история бесконечных интерпретаций, тиражирования стереотипов и отдельных афоризмов, часто без должных оснований приписывавшихся великому флорентийцу (в том числе и "цель оправдывает средства"). С другой стороны, это постоянные опровержения "ложных" толкований и попытки с помощью исторического и текстуального анализа дать свое, новое и правильное; до единства в понимании воззрений Макиавелли пока далеко. В книге Э. Рииса, помимо довольно подробного изложения макиавеллиевской концепции на основании сочинений самого флорентийца, помещены полные тексты (в английском переводе) статей о Макиавелли советских историков и политиков – В.Н. Дурденевского, В.Н. Максимовского, Л.Б. Каменева (предисловие к первому тому "Сочинений" Макиавелли), отрывки из работ Л.Д. Троцкого, выписки Маркса из Макиавелли. Авторы XX в. зачастую трактуют сочинения флорентийца в терминах и политическом контексте своего времени, таким образом, правомерность перехода от ренессансного провозвестника "настоящей правды вещей" к вождям пролетарской революции получает дополнительное подтверждение.

Так или иначе, те более или менее традиционные толкования Макиавелли, которые вложены Э. Риисом в понятие "революционный макиавеллизм" и перечислены выше, в значительной мере связаны с мифологизацией идей флорентийского мыслителя. Поясно этот тезис, кратко повторив свои доводы, изложенные в других работах¹⁰.

⁵ Rees E. Political Thought from Machiavelli to Stalin. Revolutionary Machiavellism. Houndmills – New York, 2004.

⁶ Ibid., p. 92.

⁷ К авторам, рассматривающим наследие Макиавелли в сходном с Э. Риисом ключе и упоминаемым в его монографии, следует добавить Ж. Мунена: Mounin G. Machiavel. Paris, 1966. Мунен усматривает элементы "макиавеллизма" в идеях Бланки, Бакунина, Лассалья и даже Грамши, в карикатурном изображении революционеров у Достоевского, но отмежевывает от них Маркса и Ленина на основании не очень убедительных рассуждений о цели и средствах.

⁸ "Опасности подобного исследования, реконструирующего идейную преемственность, которая в действительности могла отсутствовать, очевидны". – Rees E.A. Op. cit., p. XII.

⁹ Ibid., p. 27.

¹⁰ Юсим М.А. Этика Макиавелли. М., 1990; *его же*. Макиавелли в России. Мораль и политика на протяжении пяти веков. М., 1998. В последней монографии содержится и обзор проблемы "Макиавелли и Сталин" с учетом библиографии, имевшей к середине 90-х годов.

Во-первых, Макиавелли как ренессансный мыслитель не придерживался узких рамок одной доктрины и изобретенных для нее определений. Он "проигрывал" противоположные точки зрения, как бы примеряя на себя разные роли и ни с кем не отождествляя себя до конца. "Научный" подход Макиавелли не был чисто описательным, но он не содержал и универсальных рецептов.

Во-вторых, формула "отделение политики от морали" непригодна в силу нарочитой примитивности, она исходит из упрощенного понимания как политики, так и морали, и не принимает во внимание их сущностного родства (как социально обусловленных принципов поведения). Что до Макиавелли, то хотя в ряде случаев он подразумевает относительность, историчность моральных норм¹¹, другие его высказывания были бы уместнее в устах жесткого моралиста, но главное: он без конца подчеркивает важность морали в политике, говоря о воспитании добрых нравов, о развращенном и неразвращенном народе, о том, что государь должен являть образец морали. Можно сказать, что как социальный психолог и предтеча политической рекламы Макиавелли никак не мог исключить моральный фактор из своих построений.

В-третьих, авторство теории "цель оправдывает средства" невозможно приписывать Макиавелли уже потому, что такой формулировки в чистом виде у него нет, а сентенции, ее напоминающие, выставлены в сатирическом или критическом виде¹². В приводимой им максиме Тита Ливия: "Война справедлива, когда необходима" нет претензии на универсальное обобщение¹³. Тем не менее, несмотря на все оговорки, проблема, сделавшая имя флорентийского секретаря нарицательным, существует и в XX в. нисколько не утратила своей актуальности. Это проблема *выбора поведения и его оценки*, а данном случае – политического поведения, поведения государя, факторов, его определяющих и ограничивающих, критериев суждения о нем. Если стоит вести разговор об исторических индивидуальностях с оглядкой на Макиавелли, то, на мой взгляд, именно в этом ключе.

Хорошим отправным пунктом для выяснения того, как генсек относился к Макиавелли, были бы ссылки на него из сочинений самого Сталина или хотя бы достоверные сведения о чтении им знаменитых трактатов. К сожалению, цитат из Макиавелли у Сталина пока не обнаружено, в отличие от его великого предшественника, который все же обмолвился об одном "умном писателе по государственным вопросам" – правда, не назвав его по имени¹⁴.

Зато о чтении Сталиным "Государя" ходило немало преданий¹⁵. В большинстве своем они восходят к воспоминаниям Л.Б. Каменева, который в предреволюционные годы жил в ссылке в одном доме со Сталиным¹⁶. Однако единственным относительно достоверным свидетельством о чтении Сталиным Макиавелли является упоминание

¹¹ Рассуждения о первой декаде Тита Ливия, кн. I, гл. 2 (о происхождении государства); Государь, гл. 15. Ссылки и цитаты из сочинений Макиавелли опираются на перевод, сделанный автором и впервые опубликованный в кн.: *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М., 2002.

¹² О том, что всегда нужно учитывать, насколько благочестиво намерение, говорит пародийный персонаж фра Тимотео в комедии Макиавелли "Мандрагора" (действие III, сцена 11). В главе 18 "Государя" Макиавелли отмежевывается от мнения толпы, оправдывающей любой успех.

¹³ Точно так же, если Сталин, обсуждая эпоху Ивана Грозного, говорит о том, что нужно иметь в виду, во имя чего совершались жестокости, то это достаточно расхожий довод, тем более не обязательно заимствованный у Макиавелли, см. *Марьямов Г.* Указ. соч., с. 90.

¹⁴ Ленин В.И. Письмо В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) 19 марта 1922 г. – Известия ЦК КПСС 1990, № 4, с. 191–192.

¹⁵ Например, *Кестлер А.* Слепящая тьма. Трагедия "стальных людей". М., 1989, с. 80; *Семёнов Ю.С.* Ненаписанные романы. М., 1990, с. 40–42; *Рыбаков А.* Дети Арбата. М., 1988, с. 295; *Никонов Н.* Стальные солдаты. – Урал. Екатеринбург, 2000, № 3, с. 37–42 (здесь речь идет о том, что Сталин якобы переписывал книгу Макиавелли с пометками Ленина).

¹⁶ *Такер Р.* Сталин – путь к власти: 1879–1920. История и личность. М., 1990, с. 196, прим. 57.

Н.И. Рыжкова о "попавшемся" ему в руки издании сочинений Макиавелли 1869 г. с пометами Сталина¹⁷.

Бывший глава советского правительства считает, что эта книга дает лучшее понимание Сталина, чем любая монография о нем: "Собрать бы все подчеркнутые Сталиным цитаты, бесхитростно разместить подряд и издать – этаким дайджест из Макиавелли"¹⁸. Существование книги Макиавелли с подчеркиваниями Сталина подтверждает и директор ВГБИЛ Е. Ю. Гениева¹⁹. О чтении Сталиным "каменевского" издания Макиавелли (Сочинения, т. I. М. –Л., Academia, 1934) говорили также другие участники встреч Флорентийского общества²⁰. И все же явных следов знакомства с Макиавелли ни в сочинениях Сталина, ни в его библиотеке (как и в библиотеке В.И. Ленина)²¹ не отыскивается. Как это объяснить?

Первое практическое объяснение, которое приходит в голову – одиозность имени флорентийского секретаря²². Не зря оно было использовано против Каменева на процессе троцкистско-зиновьевского блока Генеральным прокурором А.Я. Вышинским²³, за которым с высокой степенью вероятности стоял сам хозяин Кремля, как полагают, лично режиссировавший политические процессы. По сведениям Ф.М. Бурлацкого, Сталин не раз брал издание 1934 г. из библиотеки ЦК, а затем отсылал его обратно: он "как бы стеснялся держать у себя на полке книгу, которая высвечивала методы его деятельности"²⁴. Возможен и другой, более отвлеченный ход мыслей, при котором отрицается или, по крайней мере, сильно преуменьшается возможность влияния ренессансного теоретика на советского вождя. «В сохранившейся части сталинской библиотеки, – пишет ее исследователь Б.С. Илизаров, – я не нашел книгу "Князь", хотя многие утверждают, что он ее штудировал... Можно подумать, что до Макиавелли люди ничего не знали о реальных механизмах достижения и укрепления неограниченной личной власти»²⁵.

Иными словами, Сталин мог почерпнуть принципы "макиавеллизма" из других источников или дойти до них своим умом; наконец, чтение трактатов Макиавелли вообще не доказывает еще какого-то идейного родства или заимствования. Почти у всех, кто вспоминает о флорентийском секретаре, говоря о политиках своего времени, в том числе и о Сталине, появляется нотка снисхождения к "наивному Макиавелли"²⁶. Здесь, конечно, срабатывает психологический стереотип, заставляющий людей, живущих в эпоху прогресса, относиться несколько свысока и к достоинствам, и к слабостям своих предков. Возможность известного высокомерия самого теоретика державного марксизма по отношению к его далекому предтече нельзя исключить. В то же

¹⁷ Рыжков Н.И. Перестройка: история предательства. М., 1992, с. 354–356.

¹⁸ Там же, с. 354. Эту замечательную идею можно было бы осуществить, если бы книга нашлась – то ли у самого автора воспоминаний, то ли в Кремле. Между прочим, в том же году один из подобных дайджестов "Государя" был опубликован: Ланин Б. "Советник" Сталина – Никколо Макиавелли. – Московские ведомости. 1992, № 3 (февраль), с. 11. Ср. Александров Е. Политграмма на все времена. Никколо Макиавелли о морали, стратегии и тактике руководителя... – Независимая газета, 30.IV.1994, с. 8 (выжимки из "Государя" и "Рассуждений").

¹⁹ Флоренция в Москве. Идеи Макиавелли в России XXI века. М., 2002, с. 33.

²⁰ Там же, с. 11, 70, 71 (Ф.М. Бурлацкий); с. 77 (А.В. Шестопал о том, что в спальне Сталина на даче на озере Риза в шкафу с художественной литературой стоял "томик Макиавелли").

²¹ Библиотека В.И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961. Здесь встречаются издания, имеющие косвенное отношение к Макиавелли, в том числе двухтомник П. Виллари о Савонароле.

²² Тем более что Сталин не мог не знать о приписывавшемся ему "макиавеллизме", например, Л.Д. Троцким – см. Rees E.A. Op. cit., p. 213–214.

²³ Вышинский А.Я. Судебные речи. Изд. 3. М., 1953, с. 402–404.

²⁴ Флоренция в Москве..., с. 11. Но если в библиотеке Сталина было издание 1869 г., то "Сочинения" 1934 г. издания могли служить ему лишь для того, чтобы познакомиться с произведениями Макиавелли, не вошедшими в старый том.

²⁵ Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина. М., 2002, с. 30.

²⁶ Рыжков Н.И. Указ. соч., с. 356. Вышинский полагает, что в свете злодеяний оппозиционеров Макиавелли выглядит "щенком и деревенщиной". – Вышинский А.Я. Указ. соч., с. 404.

время, работы, посвященные теме "Сталин и книга", показывают, что он был знающим, дотошным и вдумчивым читателем. Если его пометки на книге достоверны, то можно выдвинуть гипотезу, что этот "новый государь" питал пренебрежение не к написанному собственно Макиавелли, а к расхожим представлениям о злодейском "макиавеллизме".

Как бы то ни было, для того, чтобы судить о Сталине по Макиавелли, привлекая широкий историко-политический контекст, как это и предложено в упомянутой книге Э. Рииса, требуется выйти за рамки вопроса о непосредственном знакомстве первого с трудами второго. Нельзя обойтись без обращения к собственным трудам Сталина и, главное, к его политическому поведению, соотнося его с заповедями Макиавелли.

Главным и почти непререкаемым авторитетом для Сталина в его немногих теоретических работах выступает Ленин, на втором месте – Маркс и Энгельс; дальше Фейербаха в своем историко-философском анализе он обычно вообще не заходит. Как и у Ленина, большинство высказываний Сталина посвящено выработке правильной с точки зрения партии и марксистской теории позиции и ее защите от всевозможных искажений. Основной идейной базой при этом служит учение о классовой борьбе и о неизбежном установлении диктатуры пролетариата. Как раз по этим двум пунктам, казалось бы, и можно проводить некоторую параллель с Макиавелли. То место, которое он отводит борьбе интересов народа и знати в историческом движении, яркое изображение этой борьбы в "Истории Флоренции", мастерски сделанная (и притом резко отрицательная) классовая характеристика дворянства ставят флорентийца, по мнению некоторых авторов, в ряд отдаленных предшественников марксизма²⁷. Учение Макиавелли о новом государе, который своей неограниченной властью переиначивает весь уклад общественной жизни, особенно когда речь идет о создании нового государства или религиозной "секты", безусловно, можно рассматривать как вклад в представления о диктатуре как форме государственного управления, о чем свидетельствуют и работы некоторых теоретиков революционного марксизма²⁸.

Однако в случае с Лениным и Сталиным родство является столь отдаленным, что я не вижу возможности говорить ни о прямом, ни даже о косвенном влиянии. Отношение к Макиавелли уже основоположников марксизма было настолько опосредованным исторической традицией, что их интерес к его теоретическим построениям не выходил за академические рамки. Дистанция, отделявшая вождей российского пролетариата от ренессансного мыслителя, была еще более отдаленной, чем у Маркса, от которого они получили главные постулаты теории в готовом виде, и ход их мысли по сравнению с Макиавелли был типологически иным. Конечно, можно говорить о том, что идея пролетарской диктатуры, которая изначально мыслилась как переход к отмиранию государства, в ходе своего практического воплощения вылилась в нечто совершенно иное – и тут-то Макиавелли, поборник "настоящей правды вещей", прагматик и, как думают многие, государственный, мог и должен был пригодиться. Тем не менее, повторяю, для прямого заимствования *теоретических положений* историческая дистанция была слишком велика. Одно дело приемы политического искусства, понимание законов социальной психологии, практики власти, которые могут быть достаточно универсальными для разных эпох – но эти знания не обязательно исходят от Макиавелли. Другое дело – мировоззренческие принципы.

Учение о производительных силах и производственных отношениях, о закономерной и неизбежной смене формаций является полной противоположностью представ-

²⁷ См. об этом подробнее: Юсим М.А. Макиавелли и марксизм. – Средние века, вып. 58, 1995, с. 112–132. В книге М. Барбуто (*Barbuto G.M. Machiavelli e i totalitarismi. Napoli, 2005, p. 91*) этот тезис назван даже "клише" советской историографии (источником для этого автора послужила как раз книга Э. Рииса).

²⁸ Прежде всего А. Грамши с его идеей "коллективного государя", а также статьи Л.Д. Троцкого, В.Н. Максимовского (Идея диктатуры у Макиавелли. – Историк-марксист, т. 13, 1929), того же Л.Б. Каменева. См. подробнее монографию Э. Рииса.

лению об органической эволюции государств и размышлениям о человеческой природе у Макиавелли. В обоих случаях признается существование необходимости, а следовательно, и возможность предвидения, и выбора правильной линии поведения, почти неизбежно ведущей к успеху. И там, и там обсуждается применение для общего блага насильственных средств, санкционируемых государством, но Макиавелли занимают моральные и психологические компоненты политического успеха, а у советских теоретиков все заслоняет собой мессианская идея торжества социалистического строя, конкретнее – проблема построения социализма по этапам, начиная с отдельно взятой страны.

Отсюда идея объективной вменяемости, своего рода социальный кальвинизм, позволивший кого угодно объявить агентом империализма. Конечно, принцип презумпции виновности ("Волк и ягненок") существовал с незапамятных времен и всегда использовался для уничтожения потенциальных противников. Однако у Макиавелли субъективная сторона дела (учет намерений провинившегося) все-таки превалирует, индивид у него на равных противостоит судьбе и хаосу обстоятельств, его нельзя назвать орудием надличностных социальных и исторических сил. Мораль для политика важна потому, что она остается последним и абсолютным критерием поступков, мерой "человечности" (*umanità*). Но с оговорками, благодаря которым Макиавелли и стал "Макиавелли" – именем нарицательным.

Во-первых, это оговорка о том, что для государя важнее привлечь на свою сторону мнение толпы, массы, которая судит по внешности, не всегда в состоянии отличить хорошее от дурного и всегда оправдывает успех. Во-вторых, это оговорка о переходе одних качеств в другие, противоположные им, и соответственно, о зыбкости нравственных суждений вообще. Но как ни удивительно, флорентийский секретарь все же не сходит с почвы морального "фундаментализма", оставаясь лишь на полдороге к релятивизму.

Толкуя о том, что государь не может всегда следовать по пути добра и при необходимости должен вступать на путь зла, Макиавелли называет пять качеств, которые всегда должны приписываться правителю, хотя тот не всегда сможет их придерживаться: верность, милосердие, прямодушие, человечность и благочестие. До этого он подробно показывает, как достойные качества, если следовать им постоянно, переходят в свою противоположность. Например, говорит Макиавелли, людей хвалят за щедрость и порицают за скупость. Но истинная щедрость опасна для государя²⁹, поэтому для него лучше быть бережливым. Здесь фактически на место двух противоположных качеств ставится четверка из двух отрицательных и двух положительных качеств, – каждое из последних, будучи доведено до крайности, переходит в свою противоположность. Щедрость переходит в расточительность, а бережливость – в скупость. Такие четверки можно было бы составить, хотя не без натяжек, и для всех пяти вышеупомянутых качеств:

Милосердие – потворство – справедливое воздаяние – жестокость³⁰.

Человечность (доступность, доброта) – отсутствие брезгливости, неразборчивость – чувство достоинства – надменность (неприязнь, замкнутость).

Верность (слову) – негибкость – умение следовать обстоятельствам – коварство.

Прямодушие – наивность (простодушье) – расчетливость (благоразумие, осторожность) – хитрость.

Благочестие – фанатизм (суеверие, ханжество) – реализм – безверие (цинизм).

²⁹ Государь "истратит... все свое достояние и в конце концов будет вынужден... чрезмерно обременить своих подданных и обложить их тяжкими налогами... Это вызовет к нему ненависть в народе". – Государь, гл. 16.

³⁰ Если выстраивать эту шкалу иначе, а именно как переход между противоположными полюсами, то мы получим такую градацию: потворство – милосердие (снисхождение) – справедливое воздаяние (возмездие) – жестокость. Наличие этой гибкой шкалы говорит в пользу человеческого интеллекта, оно позволяет отразить субъективный момент знания, зыбкость всякого суждения, особенно оценочного. Кроме того, это довод против якобы присущего Макиавелли сугубого рационализма. Он показывает по крайней мере утопичность, ошибочность жестких "стратегий поведения".

Почему же, казалось бы, не ограничиться указанием на относительность всех свойств и не посоветовать придерживаться золотой середины? Но нет, Макиавелли не одобряет средних путей и в данном случае стремится, видимо, подчеркнуть расхождение между воображаемым и действительным, между словами и поступками. Человеческое восприятие субъективно, поэтому любой поступок и любое качество могут быть представлены и оценены противоположным образом.

В советском марксизме указание на это расхождение – между мыслями, идеалами и реальным поведением людей – стало одной из главных аксиом. Мораль как производное социальной действительности уступила место классовым интересам и революционной стратегии и тактике, оказалась оттесненной далеко на периферию сознания. Большевики служили высшей, объективной и прогрессивной цели, так что вопрос об оправдании их действий по логике был для них заранее предрешен. Поэтому приписываемое Ю.С. Семеновым В.М. Молотову суждение о Макиавелли выглядят естественным: "Сталин говорил правду, а Макиавелли всегда искал путь, чтобы ложь сделать правдой"³¹. Интересно также сравнить отношение обоих к христианству: и тот, и другой отвергают "безоружных пророков" и вместе с тем признают определенную полезность вероучения. Но если Макиавелли делает упор на социальном значении веры для поддержания нравственных устоев вообще, то Сталин толкует об исторической прогрессивности христианства лишь на определенном этапе³².

До сих пор мы говорили об отсутствии явных или косвенных указаний на влияние Макиавелли в работах Сталина³³, как, за одним исключением, и Ленина. Но насколько искренними были вожди пролетариата перед своей аудиторией, как в публичных, так и в частных высказываниях? Была ли сталинская "правда" правдой для всех, в том числе и для себя, или часть правды оставлялась для личного пользования?³⁴ И в этой-то части и могли скрываться заповеди, обнародованные более откровенным Макиавелли?

На мой взгляд, такая точка зрения была бы неверна, по меньшей мере, в отношении принципиальной, теоретической доли сталинского наследия. Сам стиль изложения говорит об убежденности в своей правоте, о вере в истинность марксистского метода. Этот стиль, подражающий ленинскому, восходит к демократической публицистике XIX в. и в своей полемической части строится на развенчании, иногда довольно грубом, оппонентов и противопоставлении их ошибок букве и особенно духу подлинно научной доктрины. Доктрины, предполагающей существование единственно верного решения и выхода в каждый данный момент, т.е. политической, партийной доктрины, оснащенной четкой стратегией и тактикой. Макиавелли, в своих трактатах рассуждающий о противоборстве с судьбой-женщиной, о том, лучше ли быть напористым или осторожным, и о том, что природа не позволяет быть и тем и другим, выглядит на этом фоне более романтичным, или слишком кустарным, что ли. В нем не чувствуется ощущения своей исторической правоты, ну разве что в XXVI главе "Государя", воззвании об освобождении Италии от варваров (впрочем, слишком эмоциональном).

Иными словами, я не вижу необходимости для Сталина скрывать какую-то часть своих принципов и взглядов (речь не идет о намерениях), которым можно было бы приписать особый "макиавеллизм". Некоторые вещи заставляют вспомнить о Макиавелли, но не дают оснований для далеко идущих выводов. Один из таких моментов

³¹ Семёнов Ю.С. Ненаписанные романы. М., 1989, с. 40.

³² Марьямов Г. Указ. соч., с. 86. Речь шла о полезности принятия христианства Русью, поскольку оно приблизило ее к западной цивилизации.

³³ Иногда такие указания все же обнаруживают, например, Р. Такер в статье "К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов" (Указ. соч., с. 289), но я не вижу в ней ничего специально макиавеллического, кроме общих рассуждений о необходимости компромиссных решений.

³⁴ В упоминавшейся выше книге Ж. Мунена такое сокрытие истинных целей, отождествляемое с "макиавеллизмом", иллюстрируется на примере Ф. Лассалья, с которым полемизирует Маркс. – *Mounin G. Op. cit.*, p. 213–216.

связан, что вполне логично, с отношением к историческому деятелю, вождю. О своей встрече с Лениным Сталин пишет: я надеялся увидеть «великого человека, великого не только политически, но если угодно, и физически... "Великий человек" обычно должен запаздывать [так] на собрания, с тем, чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления... Эта обрядность казалась мне не лишней, ибо она импонирует, внушает уважение». Ленин же вел себя по-простецки, «это показалось мне тогда некоторым нарушением некоторых необходимых правил. Только впоследствии я понял, что эта простота и скромность Ленина, это стремление остаться незаметным или, во всяком случае, не бросаться в глаза и не подчеркивать свое высокое положение? – эта черта представляет одну из самых сильных сторон Ленина, как нового вождя новых масс, простых и обыкновенных масс глубочайших "низов" человечества»³⁵.

Сталин говорит здесь об облике вождя по сути дела не как о личной ленинской черте, а как о важнейшем политическом инструменте. Простота Ленина не вязалась, как он признает, с его изначальными представлениями, и лишь потом он оценил и даже взял ее на вооружение. Правда, лишь отчасти; впоследствии, видимо, взяли свое державные устремления и потребности, которые подталкивали к созданию образа великого вождя³⁶.

Больше всего точек соприкосновения с макиавеллиевской тематикой из известных публикаций Сталина в интервью, данном писателю Эмилю Людвигу. Последний, по-видимому, пытался через вопросы о роли выдающейся личности в истории уяснить самооценку советского вождя.

Сталин говорит о свободе и необходимости в исторической деятельности: "Не следует противопоставлять людей условиям. Именно люди, но лишь поскольку они правильно понимают условия, которые они застали в готовом виде, и лишь поскольку они понимают, как эти условия изменить, делают историю". Здесь, безусловно, есть общее сходство с рассуждениями Макиавелли о необходимости искать встречи с фортуной и приспособлять по возможности свой образ действий к обстоятельствам³⁷ – но сходство столь отдаленное, что оно не выходит за рамки упомянутой выше характеристики флорентийца как раннего предшественника марксизма. Далее Людвиг переходит к теме насилия и задает наводящий вопрос: не в том ли причина "строгости и беспощадности" власти в борьбе с врагами, что те используют подпольные методы? Нет, отвечает Сталин, и приводит, по сути дела, пример применения к обстоятельствам: сначала большевики проявляли мягкость, но затем убедились в своей ошибке.

Людвиг задает вопрос прямо из макиавеллиевского ряда – о необходимости внушать страх³⁸ (у Макиавелли, что предпочтительнее, страх или любовь?). Пространственный ответ интервьюируемого Сталина клонится к тому, что на страхе держаться невозможно. Советский строй выражает интересы большинства, рабочих и крестьян, и потому не нуждается в политике устрашения. Разумеется, толковать эти слова можно по-разному, но бесспорно, что Сталин действительно преуспел в создании образа любимого вождя – и это в общем не расходится с советами Макиавелли, но не говорит и об обязательном заимствовании.

Любопытно, что, говоря о зарождении у него чувства социального протеста, Сталин вспоминает иезуитские порядки в семинарии и с осуждением отзывается о работе иезуитов "для осуществления дурных целей". Это тоже общее место, но небезынте-

³⁵ Сталин И.В. О Ленине. Речь на вечере кремлевских курсантов 28 января 1924 г. – Сочинения, т. 6. М., 1947, с. 54–55.

³⁶ По некоторым воспоминаниям, Сталин сам использовал прием с опозданием, см.: Радзинский Э. Сталин. М., 1997, с. 61 со ссылкой на Ф. Кнуянца. Подобный же отзыв приписывается У. Черчиллю. Впрочем, "человечность" может лишь подчеркивать величие вождя.

³⁷ О такой встрече – *riscontro* – см.: Ferroni G. "Mutazione" e "riscontro" nel teatro di Machiavelli. Roma, 1972.

³⁸ Он говорит о политике устрашения населения, в противовес отношениям внутри партии: дело было в 1931 г., до массовых чисток.

ресное, если иметь в виду, что в понятие "революционного макиавеллизма" Э. Риисом включаются и иезуитские методы³⁹. Ниже Сталин мимоходом отвергает еще одно положение, традиционно приписываемое "макиавеллизму". "Мы политики, если хотите, особого рода. Имеются политики, которые сегодня обещают или заявляют одно, а на следующий день либо забывают, либо отрицают то, о чем они заявляли, и при этом даже не краснеют. Так мы не можем поступать". Ближе к концу интервью Э. Людвиг возвращается к личной теме и задает вопрос о судьбе, так волновавший ренессансного человека. Сталин, естественно, остается на позиции закономерностей и напоминает, что «марксисты в "судьбу" не верят... На моем месте, – говорит он, – мог быть другой, ибо кто-то должен был здесь сидеть». Казалось бы, подход совершенно противоположный по сравнению с Макиавелли, у которого именно судьба олицетворяет все постороннее, стихийные силы, противостоящие человеку. Но разница скорее в расстановке акцентов. У Сталина на первом месте (по крайней мере в этом интервью, где он излагает ортодоксальную позицию) социальное, а о личных моментах он отзывается глухо: "Имеются внутренние и внешние причины, совокупность которых привела к тому, что я не погиб... Конечно, были причины того, что опасности прошли мимо меня". Об этих причинах, особенно внутренних, Сталин как рядовой ленинской гвардии скромно умалчивает, а для Макиавелли они-то, т.е. свойства и приемы политика, и были главным предметом рассмотрения. Честолюбие, которое в эпоху Возрождения считалось главным стимулом поведения, по мнению Сталина, "чаще всего бывает помехой" для деятельности крупной исторической личности⁴⁰.

Для суждений об историческом деятеле нужно сочетать внутренний и внешний подходы. Первый подразумевает знание его побудительных мотивов, намерений, стимулов, интеллектуального багажа, эмоций, интересов, взглядов, расположения духа и т.д. (В том числе нравственных принципов и готовности им следовать.) Второй – результаты поступков, их ближайшие и отдаленные последствия, роль, которую приписывают этому деятелю современники и потомки, "объективную" миссию и функцию, которая, безусловно, навязывается социумом, короче говоря, как человек воспринимается извне. Разумеется, это деление условно и пригодно лишь для аналитических целей, поскольку внутреннее и внешнее всегда неразрывно связаны. Говоря о Сталине, следует иметь в виду следующую его "макиавеллическую" черту, хорошо сформулированную В.В. Похлёбкиным: «Если у Ленина маскировка его подлинных чувств происходила естественно, без натуги и обнаруживалась только в его предельной сдержанности, сдержанности и в волевом, целеустремленном поведении, то Сталин скрывал, "конспирировал" свой внутренний мир совершенно иным образом: он надевал определенную личину, полностью не только скрывая за ней свое "нутро", но и главное, – дезориентируя окружающих различными "масками", в том числе и "благожелательными", "общительными" и т.п. ...Ленин не допускал никогда даже малейшей неискренности в своем поведении – как с врагами, так и особенно с друзьями – единомышленниками.

Сталин же использовал неискренность, как сильное оружие, как средство дезориентации – в политической, и в "кадровой" борьбе, независимо от того, кто был его контр-агентом»⁴¹.

Однако я не вижу в приводившихся выше высказываниях Сталина на общие темы особой неискренности⁴², если не считать таковой манеру выверять свою точку зрения

³⁹ См. Rees E.A. Op. cit., p. 224–226. Э. Риис анализирует критические отзывы об иезуитах в СССР, но отмечает элементы, напоминающие практику религиозного ордена у большевиков: лозунг критики и самокритики, преследование диссидентов, публичные покаяния.

⁴⁰ Сталин И.В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. – Сочинения, т. 13. М., 1951, с. 108, 109, 120, 114, 123. Я не исключаю, что и суждение Сталина о честолюбии было искренним, ведь он соизмерял свою личную цель с великой и прогрессивной целью служения народу.

⁴¹ Похлёбкин В.В. Великий псевдоним. М., 1996, с. 93.

⁴² В.В. Похлёбкин говорит о неискренности как личной черте Сталина и его политическом оружии. Мы же здесь разбираем вопрос о мотивации его поведения и о том, насколько глубоко имеющиеся у нас источники, в первую очередь высказывания самого Сталина, позволяют в эту мотивацию проникнуть.

универсальными постулатами доктрины и их применением к политике партии. Политический успех не обязательно требует двоемыслия и вполне может сочетаться с искренней и даже истовой верой в идею. Достаточно, чтобы пророк был вооружен, как писал Макиавелли. Пишущие о политическом деятеле, в том числе и о Сталине, в той или иной пропорции сочетают то, что мы назвали внутренним и внешним подходом – т.е. оценивают политика как с точки зрения его исторической "миссии", социально, а значит и идеологически обоснованной функции, так и исходя из его внутренних побуждений и человеческих свойств, можно сказать, с антропологических позиций. И те, и другие черты в совокупности образуют детерминистическое поле, меру свободы и необходимости. Идеи, представления, теории, вообще вся сфера сознания, включая бессознательное, определяют выборы человека, формируя его мнения об истинном и правильном. Эта определенность, реализуемая во времени и пространстве, может оцениваться как известная степень знания, но одновременно и как степень слепоты, или, если употребить термин марксистской историографии, "исторической ограниченности". Если Сталин не понимал уже в 1931 г., что его власть в огромной степени покоится на устрашении, или он просто лукавил в своем интервью⁴³? Я думаю, что ни то, ни другое, и что ментальная операция, позволявшая представить действительность в выгодном для себя свете, заключалась в вытеснении негативных реалий – насилия, террора – ортодоксальной идеей об исторической миссии и активности трудящихся классов⁴⁴.

То, что Сталин искренне верил в социалистическую идею, подтверждается и его подражанием Ленину – "не хныкать в случае поражения", "не кичиться победой", опираться на революционные принципы⁴⁵. Здесь мы опять видим некоторые точки соприкосновения с Макиавелли (вооруженный пророк, расхождение идеала и действительности⁴⁶), но не находим оснований для вывода о нарочитой близости или каком-то влиянии. Подобное же заключение напрашивается при попытке оценить действия Сталина с внутренних, как мы сказали, антропологических позиций. И Ленина, и Сталина по терминологии Макиавелли можно назвать "новыми государями", которые получают власть не по наследству⁴⁷, сражаются за ее сохранение и вдобавок занимаются полным переустройством общества на новых началах. Положение такого государя хорошо объясняет психологическую доминанту, которая очевидно выявляется в поведении Сталина – постоянная борьба за выживание. Такую борьбу ему приходилось вести почти с детства и до самой смерти, и лично, и как революционеру и партийному вождю, и как главе государства⁴⁸. Для политической среды это, впрочем, столь же характерно, как и для уголовной⁴⁹.

⁴³ Утверждают, что примерно тогда же Сталин делал явно макиавеллические заявления о том, что лучше, если "народ будет терпеть его из страха, чем по убеждению, ибо убеждения меняются". Но установить степень достоверности этих сведений сложно, см.: *Rees E.A.* Op. cit., p. 222 со ссылкой на: *Weissberg A.* Conspiracy of Silence. London, 1952, p. 501.

⁴⁴ "Довольно странно считать покорными и ленивыми русских крестьян и рабочих, проделавших в короткий срок три революции, разгромивших царизм и буржуазию и победоносно строящих ныне социализм". – *Сталин И.В.* Беседа..., с. 111.

⁴⁵ *Сталин И.В.* О Ленине, с. 56, 57.

⁴⁶ Я имею в виду, например, высказывания Макиавелли о Фердинанде Католическом, который совершал жестокости под предлогом благочестия.

⁴⁷ Сталин выступал в роли наследника Ленина, но фактически пришел к власти в ходе упорной борьбы.

⁴⁸ Эта логика заметна как раз в письме Ленина, где упоминается Макиавелли: "Наш противник делает громадную стратегическую ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадёжна и особенно невыгодна". Очень похожие фразы приписываются Сталину последних лет в книге Э. С. Радзинского (они взяты из вторых – третьих рук): "Мы никого не боимся, а если господам империалистам угодно воевать, то нет для нас более подходящего момента, чем этот". – *Радзинский Э.* Указ. соч., с. 608–609.

⁴⁹ Здесь снова встает вопрос о судьбе, или о том, насколько выбор такого пути сознателен, а насколько определяется факторами "наследственности" и среды. Ответ, видимо, в следующем: наследственность, среда и судьба в совокупности и образуют личность, несущую ответственность и за свои поступки, и за свою натуру. Волк за свою, ягненок за свою. Мораль, или человечность (человек – животное моральное, все люди априори моральны) противостоит природе, мораль требует невозможного или сверхъестественного.

Другая черта, всплывающая при макиавеллиевском сравнении народа и государя, — то что сформировать новое государство может только единоличный правитель, отражается в следующей характеристике Ленина и Сталина (ее современный, по сравнению с Макиавелли, вариант принадлежит В.В. Похлёбкину): *"Оба осуществляли неослабный контроль над проводимыми по их указанию мероприятиями и оба были достаточно компетентны в том, что они делали, причем более компетентными, чем все их другие сотрудники. Именно это и обеспечивало успех"*⁵⁰.

Таким образом, мы перешли к вопросу о том, просматривается ли некий "макиавеллизм" непосредственно в деятельности Сталина, независимо от наличия следов знакомства с Макиавелли в его взглядах и высказываниях. Оценку деятельности Сталина, возводимую к ренессансным представлениям о государе, дает Е.Е. Несмеянов⁵¹. Сравнивая советского вождя с Цезаре Борджиа, он, в отличие от Л.Д. Троцкого, делает вывод в пользу Сталина. "Сталин-политик намного превзошел Борджиа. Сталин сам достиг необъятного могущества, он сумел уничтожить своих врагов и умер на вершине власти в апогее славы... Сталин — действительно сверх-Борджиа"⁵². Е.Е. Несмеянов перечисляет основные постулаты учения Макиавелли и его рецепты, которые можно усмотреть в практике Сталина. Близкие Сталину идеи: "Только сила может гарантировать власть". Абстрактные конструкции имеют подчиненное значение. Люди по природе ненадежны, их положительные качества проявляются редко. Правительство не может удовлетворить всех, поэтому верить нельзя никому. "Обладание верховной властью неизбежно влечет смертельную угрозу ее носителю. Чем абсолютнее власть, тем сильнее опасность. Поэтому репрессии насущно необходимы". Культ личности — "важная составная часть механизма воспитания гражданина в духе преданности государству, отождествленному с государем". Для создания культа полезно объявить себя учеником покойного авторитета, приписывать все неудачи соратникам, а успехи — себе. "В целях сплочения нации надо затевать великие стройки, ставить грандиозные хозяйственные задачи". Важно лично отбирать кадры, знать военное дело, быть полководцем. Полной информацией о положении в стране и за рубежом должен владеть только государь⁵³. Каков же вывод автора цитируемой статьи? Этот "макиавеллизм" значительно отличается от обыденного представления о нем как о грязной политике, и вместе с тем «любой правитель тоталитарного государства применяет такие рецепты в том или другом "наборе"». Макиавелли лишь показал их закономерную повторяемость⁵⁴. Иными словами, сходство не говорит еще о прямом заимствовании. Действительно, есть очень конкретные советы Макиавелли, которые как будто использовались Сталиным на практике, например, рекомендация "выказывать себя поклонником всех выдающихся доблестей и поощрять лиц, отличающихся во всяком искусстве"⁵⁵ — но они не доказывают заимствования и тем более не свидетельствуют о каком-то особом "макиавеллизме".

Некоторые подобные рекомендации, "поражающие сходством" Макиавелли и Сталина, отмечает и Э. Риис, хотя его интересует прежде всего идейная подоплека "сталинизма". Таковы рекомендации избегать полумер, воздействовать на массы и иногда жертвовать "высшими классами" для успокоения недовольного ими народа. "Макиавелли говорит о том, что правителю выгодно придумывать заговоры, чтобы повысить свой кредит, подавляя их". (Это распространенное мнение, основанное на весьма

⁵⁰ Похлёбкин В.В. Указ. соч., с. 123.

⁵¹ Несмеянов Е.Е. Сталинизм и макиавеллизм: стили мышления. — Социально-политический журнал. М., 1993, № 9/10, с. 120–125.

⁵² Там же, с. 122. В данном случае критерием служит политический успех. Надо заметить, что высказывание относительно Борджиа — "при первых неудачах потерпел полное поражение" — неточно. Макиавелли показывает, что причиной падения Борджиа было исключительное стечение обстоятельств.

⁵³ Там же, с. 124–125.

⁵⁴ Там же, с. 125.

⁵⁵ Государь, гл. 21.

расширительном толковании одного места из "Государя")⁵⁶. Создание "синдрома врага", отмечает Э. Риис, было основным принципом правления Сталина. Он использовал совет Макиавелли устранять выдающихся полководцев как опасных соперников (опала маршала Г.К. Жукова вскоре после войны). Если правитель силен, он должен действовать решительно, если слаб, он должен выжидать. Ему нужно быть гибким, бесстрастным и холодным. Правитель не должен бояться проблем, для него лучше пресекать зло в зародыше и, приняв решение, идти до конца. "Сталин, – заключает Э. Риис, – в макиавеллиевском смысле был образцовым государем, воплощением того, как слепая судьба может быть подчинена человеческой воле, но в другом отношении он был также воплощением тиранической власти, которую Макиавелли резко осуждал"⁵⁷. Вместе с тем Сталин отмежевывался от того, что можно назвать макиавеллизмом в распространенном понимании. Он фактически приписывал его Гитлеру⁵⁸.

Итак, мы видим, что сделать однозначный вывод о степени знакомства Сталина с наследием Макиавелли, о его возможном отношении к этому наследию, об использовании Сталиным на практике тех или иных рецептов флорентийца и о том, насколько он обязан этими рецептами именно Макиавелли, затруднительно. Основные причины этого – амбивалентность или даже противоречивость (с сегодняшней точки зрения) самого "учения" Макиавелли, его антиномичность, по крайней мере, внешняя (республиканец и советник тиранов и пр.). Далее, связанная с этой неоднозначностью двойственность исторических оценок: очевидное расхождение "подлинного" Макиавелли и "макиавеллизма". Наконец, вытекающая из этого расхождения обоюдоострость макиавеллиевского оружия – сознательно использующий его политик поостережется (как раз в духе Макиавелли) ссылаться на источник.

Те авторы, которые проводят некоторое сближение Сталина с Макиавелли, обычно как-то учитывают названные оговорки, не говоря уже об исторической дистанции, и обосновывают известную степень сходства, которую они обнаруживают, достаточно отвлеченными теоретическими принципами. Для Э. Рииса это революционный макиавеллизм, для Е.Е. Несмеянова – феноменалистический тип мышления, подчиняющий теорию практической политике. Разумеется, научная классификация явления призвана дать более глубокое знание о нем, чем просто ответить на вопрос: был или не был Сталин "макиавеллистом", или был или не был Макиавелли "предтечей сталинизма"⁵⁹. Проблема, однако, в том, что мы должны, основываясь на размышлениях Макиавелли и обращаясь к близкой нам истории (как он сам говорил, опираясь на изучение древних и опыт современности), дать оценку исторической личности, хотя по традиции считается, что наука пребывает по ту сторону добра и зла. В тех случаях, когда нужно оценивать, ученые предпочитают пользоваться не категориями хорошего и дурного, а физическими мерами и весами. Гуманитарий, говоря о политике, т.е. о компромиссах, противоречии цели и средств, необходимом зле и т.п., – если он хочет быть ученым, – тоже не отвергает этот путь. Он обращается к *природе* вещей, в том числе к природе человеческой. Тут мы возвращаемся к теме, заявленной в эпиграфе статьи, который позаимствован из трагедии А.К. Толстого. Грандиозность поступков, если они направлены на "историческое" благо, как бы затмевает сопряженное с ними зло.

⁵⁶ Там же, гл. 20. Речь идет о том, что новый государь обретает величие, преодолевая трудности и сражаясь с врагами. "Многие считают даже, что мудрый государь должен при случае умышленно вызвать по отношению к себе некоторое противодействие, дабы, подавив его, прибавить себе величия".

⁵⁷ Rees E.A. Op. cit., p. 229–230. Образцовый государь отличается от тирана, по Макиавелли, тем, что закладывает основы долгосрочного процветания страны, установив хорошие законы, например, смешанное правление народа, аристократии и государя.

⁵⁸ Ibid., p. 229. "Человек, – говорит Гитлер, – грешен от рождения, управлять им можно только с помощью силы. В обращении с ним позволительны любые методы. Когда этого требует политика, надо лгать, предавать и даже убивать". – Доклад Сталина на торжественном заседании 6 ноября 1941 г.: *Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза*. М., 1950, с. 52.

⁵⁹ Таким образом вопрос ставится, например, в статье Е. Е. Несмеянова (см. прим. 51).

Макиавелли, по словам Пушкина, "великий знаток природы человеческой"⁶⁰, рассуждая о последовательности государей, замечает, что иногда и дурные поступки "требуют величия и некоторого благородства"⁶¹. Надо сказать, что "профессиональных" политиков обычно не мучат подобные гамлетовские вопросы; когда они заняты своим делом, в центре их внимания – достижимость поставленных целей. В этом смысл известной заметки Сталина на форзаце книги В.И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм", вышедшей отдельным изданием в 1939 г.: "1) слабость, 2) лень, 3) глупость – единственное, что может быть названо пороками. Все остальное, при отсутствии вышесказанных, добродетель"⁶².

Мысли о сознательно творимом зле⁶³, о противоречиях между целесообразностью и моралью приходят на досуге, когда политики уходят в отставку или когда о них размышляют историки.

Эта мысль была так сформулирована Пушкиным (в пересказе Д.В. Давыдова): для царей нет обычного, человеческого закона⁶⁴, "судит их (царей) история, ибо на царей и на мертвых нет иного суда"⁶⁵.

Царское ремесло Пушкину, вероятно, представлялось незавидным: читая историю Карамзина, поэт, по словам Д.В. Давыдова, "был поражен тем детским, невинным удивлением, с каким он (Карамзин) описывает казни, совершенные Иваном Грозным, как будто для царей это не есть дело *обыкновенное*"⁶⁶. Размышляя о том, может ли "новый государь" обойтись без злодейства, наши классики, как мне кажется, стремились к чистоте эксперимента, делая главным героем своих драматических произведений не неуравновешенного деспота Грозного, а Бориса Годунова, правителя, сочетавшего в себе ум, твердость и волю, направленную на государственное строительство, и вместе с тем лишенный отрицательных качеств царя Ивана (я тут невольно выражаюсь словами из ленинского письма о Сталине). Нарисованная обоими поэтами историческая картина оказалась неутешительной: народ и Провидение отворачиваются от виновного в действительном или вымышленном преступлении царя, и плоды когда-то (еще при Иване IV) посеянного зла, раскола и анархии приводят к бедствиям для всей страны. Деятельность исторического Ивана Грозного и репрессии против действительных и мнимых врагов царя иногда оправдываются в глазах потомков его стремлением избежать измены, раскола и распада православной России. Но он лишь отсрочил кризис, а, быть может, и предрешил наступление Смуты, которое не смог предотвратить "идеальный государь" Годунов. История повторилась через 400 лет, только с идеальными государями стране стало везти еще меньше. Впрочем, уже Макиавелли отмечал такой недостаток монархии: два слабых правителя подряд могут погубить государство⁶⁷. В республике можно избирать "бесчисленное множество доблестных правителей подряд", в этом одно из ее преимуществ перед монархией, вообще более "подлой" (*vile*), как переводили раньше, т.е. низшей формой правления. Правда, ко-

⁶⁰ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, т. 12. М., 1949, с. 156.

⁶¹ Рассуждения о первой декаде Тита Ливия, кн. I, гл. 27.

⁶² См. Илизаров Б.С. Указ. соч. С. 80–81. По мнению Б.С. Илизарова, "в упомянутой заметке Сталин изложил не столько размышления по поводу книги, сколько свои затаенные мысли".

⁶³ Макиавелли, между прочим, не разделял распространенную среди гуманистов сократическую идею о том, что "только невежество – само по себе зло" См.: Юсим М.А. Этика Макиавелли, с. 6, 50, 132.

⁶⁴ Как, между прочим, и для поэта в понимании Пушкина. Вдохновение сродни природной стихии – "гордись, таков и ты, поэт, и для тебя закона нет", "поэзия выше нравственности". – Пушкин А.С. Борис Годунов. Комментарий Л. М. Лотман и С. А. Фомичёва. М., 1995, с. 150.

⁶⁵ Там же, с. 479. О сходстве некоторых мест драмы с положениями Макиавелли см. с. 150–159 и 178–179 в примечаниях Л. М. Лотман. У Макиавелли: "В действиях всех людей, а в особенности государей, кои никому не подсудны, смотрят на результат". – Государь, гл. 18.

⁶⁶ Пушкин А.С. Борис Годунов, с. 135.

⁶⁷ Рассуждения, кн. I, гл. 19. Слабый государь может удержаться после выдающегося, но после другого слабого ему невозможно будет сохранить власть.

нечный вывод натуралистической концепции флорентийца – все преходяще, кроме вечной смены форм, перетекания добра в зло и обратно, поэтому гибель государств можно лишь отсрочить, но не предупредить. Монархия вырождается в тиранию, которую свергают "лучшие люди", затем правление немногих, при их детях, превращается в олигархию; тогда вместо нее народ устанавливает демократию. При последней постепенно воцаряется произвол, наступает анархия и снова возникает потребность в сильной руке. В один из переходных моментов государству и угрожает наибольшая опасность быть раздробленным или поглощенным. Предлагаемый благоразумными законодателями вариант сочетания всех трех форм предпочтительнее, но и он устраняет внутренние противоречия лишь на время. "Материя" государства (народ) подвержена естественной порче, отсюда и переход хороших форм правления в дурные. Вообще Макиавелли исходит из соответствия политической формы социальной материи. В частности, развращенный народ может быть обуздан только жестокой волей единоличного государя. В макиавеллиевском контексте для понимания сталинской самооценки и его представлений о собственной исторической миссии интересна фигура Моисея, для флорентийского секретаря – образцового основателя государства, да и религии⁶⁸. Моисей водил свой народ 40 лет по пустыне, чтобы в испытаниях подготовить его к лучшей жизни на Земле Обетованной – этот популярный сегодня эпизод Библии приложим к тому образу, который был, возможно, близок советскому руководителю. Сталин тоже был вождем народа, который нужно было через испытания вывести из рабства, по сути дела изменить его холопскую, "свирепую и дикую"⁶⁹ природу и тем самым подготовить к жизни в новом, самоуправляющемся обществе, не знающем преступлений и коррупции.

Сопоставляя "дискурсы" сегодняшней науки с ренессансной мудростью, выраженной архаичным и вместе с тем простым языком пятисотлетней давности, мы не можем не признать, что иные суждения тогдашних мудрецов до сих пор работают и пригодны для понимания современных нам событий. Независимо от того, знал ли и учился ли чему-то у Макиавелли крупнейший лидер социализма XX века Сталин, взгляд на него через призму макиавеллиевского "принцепса" довольно продуктивен, что подтверждается, собственно, и историографией "макиавеллизма" и сталинизма до наших дней.

В наше время особенно заметно, как идеи затуманивают сознание людей вместо того, чтобы прояснять его; они ослепляют и толкают на ложный путь, служа к тому же прикрытием для чьих-то примитивных и часто весьма неблагоприятных целей. Подобная история происходит и с идеями Макиавелли, когда его воспринимают просто как теоретика обмана, оправдывающего надувательство, если только оно достаточно внушительно по масштабам. Уместно, поэтому, в заключение, для тех, кто подгоняет флорентийца по своей мерке, напомнить старинное предостережение историка И. Мюллера о том, что Макиавелли, истолкованный ослами и плутами на свой лад, приводит их к плачевному концу⁷⁰.

Реальная история далека от морали и справедливости, так что великие преступники часто остаются безнаказанными, но правда рано или поздно выходит наружу – для чего и нужна работа историков.

⁶⁸ См. Государь, гл. 6, 26; Рассуждения, кн. II, 8; кн. III, 30.

⁶⁹ Народ, привыкший к единоличному правлению, "есть не что иное, как несмышленное животное, по натуре дикое и свирепое, но выросшее в рабстве и неволе, и если оставить его на произвол судьбы, то, не умея найти себе корма и укрыться от опасности, оно станет добычей первого, кто пожелает его стреножить". – Рассуждения, кн. I, гл. 16.

⁷⁰ "Es ist mit dem Helvetius wie mit Machiavelli, Thoren macht jener noch nährischsten, Esel und Schelmen bringt dieser an den Galgen" ("С Гельвецием, как с Макиавелли. Тот делает дураков еще глупее, этот приводит ослов и плутов на виселицу"). Эта фраза, по словам А.И. Тургенева, отмечена В.А. Жуковским: Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939, с. 250.